

УДК 165.6.8

ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ КАК МЕТОД АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Е.Ю. Леонтьева

Одним из великих достижений марксизма является четко проработанная и апробированная методология исследования научных проблем, использованная в «Капитале». Ее применение может быть исключительно позитивным при анализе такого феномена, как рациональность. Последняя сначала исследуется «вообще», что позволяет выявить ее инвариантные, независимые от конкретного типа характеристики и понять то, как происходит разворачивание «типа рациональности», насыщение его вариативными, конкретно-историческими, реальными, «живыми» характеристиками.

Ключевые слова: метод; восхождение от абстрактного к конкретному; рациональность; типы рациональности; абстракция вообще.

Одним из условий прогрессивного развития той или иной области знания является наличие четкой, хорошо разработанной методологии. Критика некоторых новых научных дисциплин часто основана именно на отсутствии у последних собственной методологии. На первый взгляд, современные философские исследования являются собой образец разнообразия методологических подходов, плюрализма методик и способов познания выбранного предмета: достаточно посмотреть несколько авторефератов последних лет на соискание степени доктора или кандидата наук. Однако с уверенностью можно сказать, что две крайние позиции в методологической рефлексии современного философского анализа принадлежат, с одной стороны, формальной логике, с другой — постмодернистской ризоме. К сожалению, использование плодотворной, дающей исключительные результаты, к тому же проверенной временем диалектической методологии редко находит отклик у современных, особенно молодых, исследователей. Оптимистично убеждены, что это лишь следствие внезапно обрушившейся методологической свободы, пресыщенность которой становится все более очевидной.

Разработанная в рамках классического марксизма диалектическая методология иногда намеренно игнорируется исследователями, иногда упускается вследствие элементарного незнания, что ведет или к «изобретению велосипеда», или к парадоксальным ризомальным вы-

водам. В первом случае начинают кивать на «гениальный Запад», как в случае с идеей И. Лакатоса о том, что «философия науки без истории пуста, история науки без философии науки слепа». С.Н. Мареев верно отметил, что это «по существу означает единство логического и исторического, о чем никто из наших “философов науки”... даже не заикнулся» [7, с. 218]. Выводы же, полученные в результате ризомальных построений, заставляют приверженцев классической традиции в лучшем случае пожимать плечами, в худшем — вступать в открытый конфликт с их создателями.

Классическая методология часто снимает реальные или надуманные проблемы, следует лишь овладеть ее приемами, осознать базовые принципы. Так, любой исследователь, независимо от его философской ориентации, знает, что «всякое начало — трудно» и что «эта истина справедлива для всякой науки» [4, с. 5]. В рамках методологии восхождения от абстрактного к конкретному проблема эта решается путем нахождения некоего единого стартового основания, позволяющего восходить к действительному пониманию сути изучаемого явления или процесса по мере их усложнения. Не трудно догадаться, что речь в данном случае идет о той «клеточке тела», о том «исходном начале», которое должно быть основанием всякого научного познания. В начале исследования мы с необходимостью должны зафиксировать то всеобщее, что будет характерно для исследуе-

мого нами предмета на всех этапах его развития, начиная с момента зарождения и обретения своей самости по отношению к другому и заканчивая последними этапами эволюции, когда сам предмет становится другим. В диалектической традиции «такое всеобщее имеет название “абстрактно-всеобщего” и фиксирует то одинаково-общее, что имеет предмет на различных ступенях своего развития. И это общее выражает его “основную конструкцию”, которая составляет первичное (исходное) отношение данного предмета, и поэтому она постоянно воспроизводится на всех последующих этапах его дальнейшего развития» [8, с. 11].

Очевидно, что выделение и фиксация такой «абстракции вообще» свидетельствуют о теоретическом уровне исследования, более того, его самом первом, стартовом этапе. И вполне очевидно, что этому уровню предшествует эмпирическая ступень, где появляются первоначальные понятия, фиксирующие предмет познания на стадии созерцания и представления, и который, в свою очередь, завершается выделением указанной абстракции.

Так, всякое исследование следует начинать с анализа того феномена, с которым мы сталкиваемся в реальной «эмпирической жизни» и который в ходе его восприятия и осознания, скорее даже в процессе предметно-практической деятельности с ним, получает название, воплощение в той или иной понятийной форме. К. Маркс, обращая внимание на этот факт, писал, что не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание. Исходя из этой, ставшей классической формулы он констатирует, что при втором способе рассмотрения «предпосылками являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом эмпирически процессе развития, протекающем в определенных условиях. Когда изображается этот деятельный процесс жизни, история перестает быть собранием мертвых фактов...» [5, с. 14–15].

Например, если мы взяли за исследование такой простой, но вместе с тем и сложной проблемы, как рациональность, мы столкнемся не только с обилием мнений и подходов, но и прежде всего с отсутствием уже упоминавшегося «стартового основания», «клеточки». Только уяснив на уровне представления, что же

являет собой рациональность, мы сможем, тем самым, определить ее вообще, выделив то общее и одинаковое, что она имеет на всех этапах своего дальнейшего развития и что остается безразличным по отношению к каждой отдельной ступени ее движения. Другими словами, «рациональность вообще» должна помочь увидеть те основные характеристики рациональности как таковой, которые не схватывают ее конкретно-исторического содержания. В данном случае налицо будет характеристика абстрактной рациональности, которая свободна не только от культурно-исторического и индивидуального бытия, но также от аксиологической и праксиологической нагруженности. Имея это в виду, рациональность можно определить как особую умопостигаемость объективно общего, своеобразную размерность сознательной деятельности, позволяющую постигать внутреннюю логику бытия. Такое определение рациональности характеризуется особыми «безразличными и формальными» чертами по отношению к любому отдельному этапу ее развития. Мы называем их онтологическими и гносеологическими характеристиками и обозначаем как внутренние [3].

Напомним, что, взявшись за исследование такой «глыбы», как процесс производства и накопления капитала, К. Маркс отталкивается от таких всеобщих абстракций, как «производство вообще», «потребление вообще», «деньги как таковые» и, конечно, «труд». Здесь Маркс был солидарен с Гегелем, полагавшим, что познание «всегда и необходимо начинается с приобретения знания общих принципов и точек зрения, чтобы сперва только дойти до мысли о существе дела вообще» [1, с. 3]. В своем известном «Введении» «К критике политической экономии» Маркс, рассматривая проблему начала, приходит к выводу о том, что в начальном пункте исследования любой развивающейся целостности, прежде всего, необходимо выявить «всеобщие абстрактные определения», или «абстракции вообще». Потому что именно в них «фиксируется всеобщее или выделенное путем сравнения общее» [6, с. 21]. Для Маркса (в отличие, например, от Д. Рикардо) было очевидно, что обоснование проблемы начала — это уже теоретический уровень развития науки, которому предшествует эмпирический этап, берущий свое начало с исследования «живого

целого», с «чувственно-конкретного» и заканчивающийся выделением «абстракции вообще». «Но уже это первое представление о предмете научного познания как о “чувственно-конкретном” отделяет научную форму сознания от сознания обыденного, которое базируется на стихийно-эмпирических представлениях людей... И самое главное их отличие заключается в том, что научное познание с момента своего возникновения движется, опираясь не на индивидуально-психологические представления субъекта, но на представление о всеобщем, то есть о той реальной целостности, которая существует объективно, независимо от индивида и воспроизводится средствами научного познания» [8, с. 12–13].

Однако очевидно, что действительный, реальный предмет научного исследования не может исчерпываться и не исчерпывается только абстрактными качествами, они односторонни, и даже на интуитивном уровне чувствуется незавершенность подобных характеристик, их открытость, отрыв от реального человека, действительного мира, имеющих настоящее, вполне конкретное, а не абстрактное существование. По емкому замечанию К. Маркса, «абстракции эти сами по себе, в отрыве от действительной истории, не имеют ровно никакой ценности» [5, с. 15] и не служат какими-то «искусственно сконструированными идеальными типами, а являются научными абстракциями, отражающими наиболее общие, сущностные черты объективной реальности» [2, с. 67]. Однако задача формирования первоначальной абстракции и предполагает обозначение таких общих принципов и характеристик, которые присущи изучаемому объекту на всех этапах развития и не детерминированы объективными реальными ситуациями и жизненными мирами.

Подобные абстракции допустимы в теоретическом исследовании, более того, оправданы в его начале. Реальная жизнь не знает, что такое абстракция вообще, а потому и научное исследование не должно на ней останавливаться, оно должно, прежде всего, отражать процесс становления действительного, живого объекта исследования, в нашем примере — рациональности, показать то, каким образом, благодаря каким факторам и причинам голая абстракция «не истлевет в себе», а обретает свою плоть и кровь, становится актуализированным бытием.

Наглядно понять это можно на примере становления конкретного типа рациональности, когда «абстракция вообще» обретает свою плоть и кровь, становится действительной, актуализированной.

Процесс восхождения от абстрактной «рациональности вообще» к действительной «живой» рациональности осуществляется через реализацию внутренних характеристик рациональности и путем обретения (причем в разной степени) определенностей внешних. К первым мы относим гносеологические и онтологические черты рациональности, ко вторым — аксиологические, праксеологические, культурно-исторические и экзистенциальные. Важно отметить, что процесс этот по сути есть процесс становления того или иного типа рациональности. Другими словами, именно в своем типе рациональность и обретает свое бытие, обретает свою конкретность, свою самость и действительность. Об этом процессе уже невозможно говорить на уровне чистых абстракций, необходимо использовать конкретно-исторический подход, позволяющий проследить возможные пути обретения рациональностью своего бытия.

Реальная конкретность для теоретической мысли в процессе перехода (восхождения) от абстрактного к конкретному выступает той предпосылкой, которая, по словам Маркса, должна постоянно «витать перед нашим представлением». Между реальной конкретностью и ее воспроизведением в мысленной конкретности теоретической системы лежат промежуточные звенья концептуального анализа, позволяющие вписать эмпирические данные в мысленную конкретность, объяснить и разрешить те несоответствия и противоречия-антиномии, которые возникают между абстрактной теоретической схемой и конкретной реальностью.

Любой предмет, рассмотренный «вообще», остается «в области абстрактного и бесследно истлевет в себе», если становление и актуализацию своего бытия не осуществляет в тех или иных своих конкретных формах. Так, «рациональность вообще» не имела бы никаких перспектив своей конкретизации и, безусловно, осталась бы в области абстракции, если бы не воплотилась в своих конкретных типах, о которых в последнее время написано немало работ (античный, нововременный, классический, не-

классический и т.д.). Другими словами, проявление и реализация внутренних характеристик рациональности всегда осуществляется в конкретном месте и времени, в деятельности конкретных людей или групп, что и формирует внешние (так мы их назовем) для рациональности признаки — ее аксиологический смысл, праксиологическую значимость, обусловленность духовным контекстом каждой культурно-исторической эпохи и индивидуальным жизненным миром. Именно поэтому собственно рациональность, не «абстрактная», не «вообще» всегда есть ее определенный тип. Если речь идет о реально (а не в теории) существующей рациональности, то, вне зависимости от нашего желания, мы всегда говорим о ее конкретном типе. Этим, на наш взгляд, и объясняется та ситуация в исследовательской литературе, когда вопрос о рациональности так или иначе сводится и упирается в проблему ее типологизации.

Однако то, каким образом исследуемый предмет «оживает», приобретает черты реального феномена, уже невозможно показать вообще, как невозможно одновременно продемонстрировать становление всех его форм или типов. Так, говорить о «живой», действительной, актуальной рациональности невозможно без и вне ее конкретно-исторического типа, поскольку именно в нем «рациональность вообще», как голая абстракция в «спектре своих возможностей», обретает себя, реализуя свои внутренние характеристики и приобретая внешние. Процесс обретения рациональностью своего бытия также многообразен и разнопланов, как и те конкретно-исторические эпохи или ситуации, в рамках которых он осуществляется. Именно поэтому рациональность не ограничивается каким-либо одним типом, их возникает множество, при этом каждый из типов по-своему уникален. Это многообразие во многом отражено в философской исследовательской литературе, где лейтмотивом звучит мысль о необходимости систематизации типов и создания их иерархической теории.

Исключительный образец подобного восхождения от абстрактного к конкретному, как уже отчасти отмечалось выше, представлен в «Капитале» К. Маркса. Отталкиваясь от целой системы структурированных и обоснованных экономических абстракций, мыслитель показал, что за экономическими отношениями стоит не

только производство вещей, материальных благ, но и производство всех социальных отношений и в конечном счете производство самого человека. Только с позиции диалектики как всеобщей теории развития Марксу удается рационально объяснить природу стартовых «абстракций вообще», используемых в «Капитале». Например, «труд вообще», как простая абстрактная деятельность, как расходование рабочей силы, реализация способности трудиться, был известен с древнейших времен. Это была простейшая, непосредственная деятельность, изначально весьма бедная по своему содержанию: обработка первых орудий труда, первые попытки обустроить или построить жилище и т.д. Далее шел процесс длительного исторического развития, в результате которого усложнялись как орудия труда, так и отношения между людьми, что приводило к появлению новых, и гораздо более сложных, чем прежде, форм труда. Тем не менее, какой бы сложной ни оказалась вновь возникшая форма труда, наряду со всеми сопутствующими ей внешними признаками и характеристиками, всегда и постоянно будет воспроизводиться простой труд, «труд вообще», который выступает как «расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием» [4, с. 53]. И хотя реальная способность человека трудиться всегда реализуется здесь и сейчас, в конкретной исторической ситуации, конкретным человеком со своим мировоззрением, положением в обществе и т.д., в конкретном государстве и вполне определенной сфере производства, «тем не менее для каждого определенного общества это есть нечто данное» [Там же].

То многообразие форм труда, о которых говорит Маркс и которые непременно являются следствием разворачивания и реализации «труда вообще» как способности человека расходовать свою способность трудиться, отчасти сопоставимо с тем многообразием типов рациональности, которое буквально поражает в последнее время. В современной исследовательской литературе выделяют более двадцати различных типов. Среди них, кроме тех, о которых уже говорилось выше, научная, открытая, закрытая, специальная, ценностная, целевая, коммуникативная и т.д. и т.п. При этом про-

слеживается явная тенденция количественного роста типов рациональности, что проявляется, например, в указании на рациональность каждой отдельно взятой науки (рациональность биологии, физики, химии и пр.). Многообразие типов рациональности, как и многообразие форм труда, является естественным следствием процесса конкретизации, восхождением из области абстрактного. Очевидно, что в данном случае оказалось возможным прояснить вопрос о соотношении рациональности «вообще» и существующего многообразия ее типов, в рамках которого одни исследователи предлагали отказаться от рассмотрения рациональности вне ее типа, а другие призывали анализировать ее «как таковую». Таким образом, по существу снимается проблема многообразия типов рациональности и их возможной жесткой типологизации, поскольку вряд ли возможно наверняка предположить ситуации формирования ее конкретных характеристик. Каждая историческая эпоха и каждый «индивидуальный жизненный мир» привносят свою самость, свою специфику в процесс становления рациональности, обретения ею своего конкретного типа. Кроме того, и формы труда оказываются непредсказуемыми: еще сто лет назад невозможно было предположить то огромное разнообразие форм труда, которое привнесла с собой компьютерная индустрия.

Проведенная нами параллель при исследовании столь различных феноменов, как рациональность и анализ труда, доказывает действительность и всеобщность разработанной немецким ученым методологии, несправедливо забываемой в последнее время.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Сочинения в 14 томах. М.; Л.: ГИЗ, 1930–1959. Т.4.
2. Гобозов И.А. Куда катится философия. От поиска истины к постмодернистскому трепу (Философский очерк). М.: Издатель Савин С.А., 2005.
3. Леонтьева Е.Ю. Рациональность и ее типы: генезис и эволюция: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2006.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1983. Т.1. Кн.1.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. М.: Политиздат, 1986. Т.1.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1968–1969. Т.46. Ч.1.
7. Философское осмысление социально-экономических проблем / под ред. В.Е. Давидовича, Е.Ю. Леонтьевой. Волгоград: Политехник, 2006. Вып.10.
8. Щитов А.А. Становление диалектико-материалистической концепции формы и содержания. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1989.

ASCENT FROM THE ABSTRACT TO THE CONCRETE AS A METHOD OF PROBLEM RATIONALITY ANALYSES

Elena Y. Leontyeva

Volgograd State Technical University; 28, Lenin av., Volgograd, 400005, Russia

One of the great achievements of Marxism is a well-designed and tested methodology for the study of scientific problems used in the «Capital». Its use can be extremely positive in the analysis of that phenomenon as a rationality. It is studied as a «general», and it reveals its invariant, independent of the particular type characteristics and to understand how the unfolding of «the type of rationality», the saturation of its flexibility, the specific historical, real, features of living.

Key words: method; the ascent from the abstract to the concrete; rationality; the types of rationality; abstraction in general.